

УДК 159.947

ШУТТИНГ КАК ПСИХОЛОГО-ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Клейберг Юрий Александрович¹,

доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор
Тверского государственного университета,
г. Тверь, e-mail: klab03@rambler.ru

¹ ORCID: 0000-0001-6757-0102

В статье предпринята попытка актуализировать важную проблему современности – проблему идентификации шуттинга. Раскрыта феноменология, функционирование этого деструктивного явления и его герменевтические особенности. Рассмотрены основные направления концептуализации теоретических оснований шуттинга. Представлены некоторые возможные направления стратегии социально-психологической и педагогической превенции и профилактики шуттинга.

Ключевые слова: подростки, молодежь, шуттинг, деструктивность, феноменология, герменевтика, актуализация, профилактика.

Kleyberg Yuriy Aleksandrovich¹,

Professor, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy,
Tver State University, Tver. E-mail: klab03@rambler.ru

¹ ORCID: 0000-0001-6757-0102

SHOOTING AS A PSYCHOLOGICAL-DEVIANTOLOGICAL PHENOMENON

The article attempts to actualize an important problem of our time - the problem of identifying shooting. The phenomenology, the functioning of these destructive phenomena and their hermeneutical features are revealed. The main directions of conceptualization of the theoretical foundations of Shooting are considered. Some possible directions of the strategy of socio-psychological and pedagogical prevention and prevention of Shooting are presented.

Key words: adolescents, youth, shooting, destructiveness, phenomenology, actualization, prevention.

В 2017-2019 гг. в нашей стране были зафиксированы и преданы общественной огласке случаи нападений учащихся на сверстников и педагогов в образовательных учреждениях. Именно эти события стали причиной для научного осмысления сложного феномена под названием «шуттинг» – психического состояния, характеризующегося внезапной немотивированной агрессией с человеческими жертвами или без них. Данные научных изысканий позволяют «свести» информацию правоохранительных служб, curriculum vitae личностей и психологических портретов нападавших подростков для разработки общей стратегии, а также тактики превентивно-профилактической и коррекционной работы с подростками и молодежью группы социального риска. Однако следует признать, что обусловить методологические принципы системного анализа феномена «шуттинг» в настоящее время не представляется возможным из-за того, что реальные масштабы проблемы латентны и представляют для исследователя определенную сложность. Таким образом, данная проблема для России приобретает государственный характер и требует неотложного решения.

Следует также констатировать, что социально-психологическая и педагогическая стратегия превенции и профилактики шуттинга на сегодняшний день не разработана, она находится в стадии осмысления.

Автор данной статьи поддерживает мнение С.В. Книжниковой (2019) о том, что изучение случаев шуттинга требует выявления особенностей психических процессов, отвечающих за саморегуляцию, специфику личностной направленности и социального опыта у лиц, совершивших нападение. Особо важен поиск медико-биологических, индивидуально-психологических и социокультурных причин шуттинга [5]. Как мне представляется, актуально также рассмотрение шуттинга в контексте девиантологической проблематики.

Выше сказано, что шуттинг сопровождается насилием, жестокостью, озлобленностью и, нередко, физической расправой и смертью жертвы.

Насилию и жестокости в последние годы посвящено много исследований и публикаций ученых различных научных школ и направлений – психологов, криминалистов, социологов, педагогов, медиков и др. Несмотря на это, проблема жестокости и насилия, как в общенаучном, так и девиантологическом отношении до сих пор остается одной из ключевых направлений современности.

В психологии девиантного поведения и криминальной психологии насилие и жестокость характеризуются деструктивной и деструктивно-психопатологической направленностью (Ю.М.Антонян, Я.И.Гишинский, Е.В.Змановская, Ю.А.Клейберг, О.С.Маслова, В.Д.Менделевич, Н.П.Фетискин, С.В.Шепелева и др.). Изучение жестокости и насилия позволяет выявить их полимодальные проявления, обусловленные диссонансностью на уровне мотивационно-целевого, нормативно-поведенческого, эмоционально-чувственного, интеракционного и личностно-деятельностного взаимодействия личности и группы. По М.М. Бахтину, отношение всегда носит творческий, продуктивный, эстетический характер, что является экзистенцией человека разумного (Бахтин, 1986, с. 10). При этом, как отмечает М. Бубер, фундаментальным фактом человеческой экзистенции является отношение человека-с-человеком» (Бубер, 1995, с. 230).

На наш взгляд, попытка подавления или поддержки и стимулирования продуктивных личностных отношений в социальных группах могут существенно влиять на генезис и актуализацию как деструктивных (жестокость, насилие), так и конструктивных (гармоничная и созидательная перспектива) типов девиантного поведения.

Насилие, игнорирование и жестокость по отношению к юной личности порождает ответную жестокость. Психологами и криминологами (М.Р.Арпентьева, Я.И.Гишинский, Е.В.Змановская, Ю.А.Клейберг, И.А.Макаренко, Е.В.Руденский, М.К.Салимгереев и др.) экспериментально

подтверждено, что применение взрослыми (в первую очередь – школьными учителями) дидактического и психологического насилия и жестокости, а также проявление лицемерия, лжи и несправедливости в разы усиливают девиантогенные тенденции в среде несовершеннолетних подростков, проявление девиантогенных реакций, обостряют взаимоотношения как в системе «учитель – ученик», так и в системе «учитель – родители». Полицейская официальная статистика неумолимо свидетельствует о том, что ежегодно за правонарушения попадают под наказание более 1 млн. несовершеннолетних. При этом из года в год возрастает количество тяжких и особо тяжких преступлений против личности, совершенных несовершеннолетними подростками: убийств, разбойных нападений, грабежей и др.

В особую группу включены подростки, совершающие немотивированную агрессию, приводящую к человеческим жертвам, а также спровоцированные эпизоды поведения, грозящие убийствами, телесными повреждениями или саморазрушительным поведением, нанесением себе травм, вплоть до суицида [1].

В Толковом словаре по психологии состояние шуттинга относится к культурно-обусловленному синдрому и описывается как диссоциативный эпизод, характеризующийся периодом погруженности в раздумья, сопровождающийся вспышкой насилия, агрессивного или смертоносного поведения, направленного на людей и предметы. Классификатор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) МКБ-10 содержит упоминание о такой вспышке насилия, агрессивном или смертоносном поведении в приложении II – шуттинг (амок), – и описывается как «неизбирательный, ничем не спровоцированный эпизод смертоносного или сильно деструктивного поведения, с последующей амнезией или усталостью» [11].

Синдром шуттинга имеет значение «неистовой ярости», состояние неконтролируемого бешенства, которое приводит к уничтожению всего вокруг. Причины появления этого синдрома недостаточно понятны: указывается только, что он может быть обусловлен эпилепсией, перегревом на солнце или суггестивными воздействиями, но ведущую роль в его проявлении играют этнокультурные особенности, провоцирующие возникновение переживаний страха [2] или причастности юной личности к деструктивной субкультуре «АУЕ» (аббревиатура означает: «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство»).

Шуттинг характеризуется внезапным возникновением панических состояний с изменением сознания по типу сумеречного и неконтролируемого стремления двигаться в одном направлении, круша и ломая все, что стоит на пути и убивая тех, кто мешает этому движению. В психологической картине приступа отмечается регрессия поведения, когда на первый план всплывают агрессивные реакции, проявляющиеся в виде автоматизмов [10, p. 264-276].

Также нередки случаи саморазрушительного поведения, носящего суицидальный характер. В художественной литературе нашло наиболее яркое и драматичное описание шуттинга в новелле Стефана Цвейга (1922).

Нами предпринята попытка описания сущностно-содержательного основания и теоретико-методологического фундирования шуттинга как психолого-девиантологического феномена. Для этого нами использовались некоторые теоретические подходы к исследованию причин жестокости, насилия и агрессивных нападений:

- концепции агрессии и насилия (Л. Берковиц, 2001; Я.И. Гишинский, 2013; Е.П. Ильин, 2003; Ю.А. Клейберг, 2014, 2017, 2019; Ю.Ю. Комлев, 2013, 2014; И.Г. Малкина-Пых, 2007; В.Д. Менделевич, 2005; Ю.Г. Можгинский, 1999; И.А.Фурманов, 2007; и др.);

- концепции социальной эксклюзии как предиктора девиантности и преступности в эпоху постмодерна (Б.Н. Алмазов, 2010; Ф.М. Бородин, 2000; Я.И. Гишинский, 2013; Ю.А. Клейберг, 2014, 2017, 2019; Ю.Ю. Комлев, 2013, 2014; Т.А. Хагуров, 2003, 2007; и др.);
- концепции фрустрации и депривации (Ф.Е. Василюк, 2012; Н.Д.Левитов, 1967; S. Rosenzweig, 2009; Ю.А. Клейберг, 2014, 2017, 2019; Й.Лангмейер и З. Матейчик, 2001; В.Д. Менделевич, 2005; и др.);
- девиантологические теории (Я.И. Гишинский, 2013, 2018; Е.В.Змановская, 2005; Ю.А. Клейберг, 2014-2019; Ю.Ю. Комлев, 2013, 2014; Т.А. Хагуров, 2003, 2007; и др.).

Теоретико-методологическая синтагма проблемы представлена контент-анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, аналогией. Релевантность источников фактического материала, обеспечивающего эмпирический базис научного исследования шуттинга, обеспечили отечественные и зарубежные статистические данные о случаях агрессивных и жестоких нападений в общественных местах, опубликованные правоохранительных структур и судебных расследований; curriculum vitae личностей и психологические портреты нападавших, составленные экспертами.

В европейских странах принято понимать под шуттингом внезапную и беспричинную агрессию, выражающуюся в массовой расправе над людьми в общественном месте [12].

Американская психиатрическая ассоциация (АРА) характеризует шуттинг следующими признаками: предъявление агрессором реальных угроз или нанесение окружающим реальных травм, совершение убийств; кратковременное неуправляемое эмоциональное состояние, обусловленное нарушением контроля импульсов; последующая после приступа у агрессора частичная или полная амнезия, а также сильнейшее истощение; высокая вероятность суицидальной попытки у нападавшего сразу после припадка [1].

В отечественной справочной литературе и научных источниках информация о шуттинге незначительная. Независимая психиатрическая ассоциация России (НПАР) квалифицирует шуттинг сумеречным состоянием сознания либо нарушением сознания после некоторого периода расстройства настроения [7]. Толковый словарь психиатрических терминов В.М. Блейхера и И.В. Крук (1995) рассматривает шуттинг, как острый психоз, наблюдающийся у аборигенов Малайских островов. После периода дисфории, а иногда минуя его, наступает сумеречное состояние сознания с агрессивно-разрушительными действиями, затем – амнезия [8]. А вот современный Толковый словарь русского языка дает следующее определение: «внезапно возникающее психическое расстройство, проявляющееся в возбуждении с агрессией и бессмысленными убийствами» [6].

Как видно из приведенных дефиниций, феномен «шуттинг» неоднозначен и полиаспектен, а потому сложен для исследования и, вероятно, требует не только эвристичности, но и диверсификации научных подходов: комплексного, системного, этнокультурного, гуманистического, каузального, личностного, деятельностного.

Анализ витальных ситуаций и условий жизнедеятельности нападавших свидетельствует о наличии у них высокой интенсивности переживаний и психотравмирующих обстоятельств: социальная эксклюзия (социальная исключенность); цикличность социально и психологически обусловленных затруднений; продолжительный школьный боссинг и профессиональный моббинг; острое переживание несправедливости, обиды и ненависти; разочарование в референтных людях и др. Эти состояния предвосхищаются дистанцированностью, эскейп-реакциями (уходом из дома, прогулами школы, самоизоляцией от других людей, погружением в виртуальное пространство, поиском и приобретением предмета убийства и др.).

Однако, если внимательно присмотреться к приведенным характеристикам агрессоров, то можно обнаружить их совпадение с известным в юриспруденции и психологии феноменом под названием «аффект». В Девиантологическом словаре Ю.А. Клейберга (2014, 2016, 2019) читаем: «Аффект (лат. affectus – душевное волнение, страсть) – сильное, быстро возникающее и бурно протекающее психическое состояние, характеризующееся глубоким переживанием, ярким внешним проявлением, сужением сознания и снижением самоконтроля» [3, с. 14-15].

Сравнительный контент-анализ общеизвестных в психологии, юриспруденции и психиатрии концепций аффекта с шуттингом позволяет заметить схожесть их специфических особенностей, а, значит, есть вероятность обнаружения закономерности, взаимосвязи между явлениями и объектами реальности, систематизировать факторы, установить разновидности и тенденции развития шуттинга, дифференцировать его проявление [4].

Каковы же способы и средства превенции и профилактики деструктивных тенденций шуттинга? Во-первых, очевидным является оперативная разработка актуальных стратегий и тактик (психологических, педагогических, медицинских, юридических) для эффективного реагирования на шуттинг и другие девиантогенные и криминогенные проявления подростков и молодежи, деформирующие их сознание, установки, мотивацию и ценности. Во-вторых, важной задачей является обеспечение максимальной безопасности в местах массового пребывания людей и особенно в учебно-образовательных, культурно-досуговых и спортивных учреждениях и организациях. В-третьих, – обучение детей и взрослых методам противостояния и безопасного поведения в ситуациях шуттинга (эта задача может быть реализована, например, на уроках ОБЖ в школе и на специальных курсах для взрослых, ТРИЗ-технологиями). Широкое внедрение в школы, колледжи и вузы медиативных технологий – сегодня чрезвычайно актуальная задача. Этот процесс у нас идет крайне

медленно и нерешительно. В-четвертых, отслеживание детей с тревожными признаками в сознании, поведении и поступках. Для этой цели важно постоянно держать «руку на пульсе», проводить мониторинговые срезы.

Так, П. Лэнгман в качестве профилактических мер предлагает: обеспечение общедоступной качественной психологической помощи; тщательную фиксацию признаков надвигающегося шуттинга через выявление насилия в семье и боссинга-моббинга в образовательной среде; выявление специалистами симптоматики психологических травм, психических болезней, психозов [9].

Таким образом, заключая, отмечу, что на эксплицитность и частоту деструктивных поведенческих проявлений в форме шуттинга значительное влияние оказывают личностные (знания, умения, навыки, компетенции, особенности характера личности, ее потенциалы, рефлексия, мотивы, побуждающие к достижению профессионально-значимых задач и др.), ситуационные (определяются реальной характеристикой состояния социокультурного пространства, традициями, нравственно-психологическим климатом и др.) и средовые (характеризуются актуальной социальной микросредой, принципами функционирования, требованиями общежития) предпосылки. В периоды активной социализации могут доминировать тревожность, инсомния, страх, стресс, депрессивность, аффект и другие расстройства.

Девиантогенные и криминогенные чрезвычайные ситуации антропогенного характера приносят неисчислимы страдания и дискомфорт как самой личности, так и социальным группам. Особое место здесь занимают ситуации, создающие реальную угрозу здоровью и жизни людей, разрушают их привычный жизненный уклад и приводят к психологическим и психическим деформациям, разрушению морально-нравственных и культурных ценностей общества (как, например, АУЕ). Такие психотравмирующие ситуации,

вызванные шуттингом, безусловно отражаются на физическом и психическом благополучии людей, провоцируя различные психические расстройства, конфликты, девиантные поступки и болезни.

Список литературы

1. Американская психиатрическая ассоциация. Appendix I. Outline for Cultural Formulation and Glossary of Culture-Bound Syndromes // Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders — Text Revision (DSM-IV-TR). — Washington, DC, 2000. — Vol. 4. — P. 899.
2. URL:<https://www.b17.ru/dic/amok/> (дата обращения: 04.10.2019).
3. Клейберг Ю. А. Девиантология: словарь / автор-составитель Ю.А.Клейберг. — 3-е изд., доп. - Нальчик: Издательство «Тетраграф», 2019. 184 с.
4. Клейберг Ю. А. Девиантология амока: феноменология, актуализация, профилактика // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2019. № 3(48). С.77-83.
5. Книжникова С. В. Актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 152-168. doi: 10.17759/sps.2019100109.
6. Новый словарь русского языка Л. И. Ефремовой. Т. 1: А-О. - Москва: Русский язык, 2000. 1209 с.
7. Психиатрический энциклопедический словарь / Й. А. Стоименов и др. - София-Киев, 2003. 1200 с.
8. Толковый словарь по психологии //URL:https://psychology_dictionary.academic.ru/3752/культурно-обусловленный-синдром (дата обращения: 15.10.2019).
9. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Appendix I. Outline for Cultural Formulation and Glossary of Culture-Bound Syndromes // American Psychiatric Association. Text Revision (DSM-IV-TR). Washington, DC. 2000. Vol. 4. P. 899.
10. Langman P. School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. Rowman & Littlefield Publishers, 2015. 272 p.
11. Van Loon F. «Amok and latah», «J.O. Abnormal and Social Psychology». 1928, 9, p. 264-276.
12. The ICD-10 Classification of Mental and Behavioral Disorders. Diagnostic criteria for research. Geneva, 1992. С. 214. 267 с.
13. Scheithauer H., Bondü R. School Shooting. Bedeutung, Hintergründe und Prävention. Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 121 p.

References

1. Amerikanskaya psihiatricheskaya asociaciya. Appendix I. Outline for Cultural Formulation and Glossary of Culture-Bound Syndromes Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders Text Revision (DSM-IV-TR). Washington, DC, 2000. Vol. 4. P. 899.
2. URL:<https://www.b17.ru/dic/amok/> (data obrashcheniya: 04.10.2019).
3. Klejberg Yu. A. Deviantologiya: slovar / avtor-sostavitel Yu.A.Klejberg. 3-e izd., dop. Nalchik: Izdatelstvo «Tetragraf», 2019. 184 p.
4. Klejberg Yu. A. Deviantologiya amoka: fenomenologiya, aktualizaciya, profilaktika. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psihologiya». 2019. № 3(48). P.77-83.
5. Knizhnikova S. V. Aktual'nost izucheniya napadenij v shkolah, prichiny, vozmozhnosti pervichnoj profilaktiki. Socialnaya psihologiya i obshchestvo. 2019. T.10. № 1. P. 152-168. doi: 10.17759/ sps.2019100109.
6. Novyj slovar russkogo yazyka L. I. Efremovoj. T. 1: A-O. Moskva: Russkij yazyk, 2000. 1209 p.
7. Psihiatricheskij enciklopedicheskij slovar/ J. A. Stoimenov i dr. - Sofiya-Kiev, 2003. 1200 p.
8. Tolkovyj slovar po psihologii. URL:https://psychology_dictionary.academic.ru/3752/kul'turno-obuslovlennyj-sindrom (data obrashcheniya: 15.10.2019).
9. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Appendix I. Outline for Cultural Formulation and Glossary of Culture-Bound Syndromes // American Psychiatric Association. Text Revision (DSM-IV-TR). Washington, DC. 2000. Vol. 4. P. 899.
10. Langman P. School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. Rowman & Littlefield Publishers, 2015. 272 p.
11. Van Loon F. «Amok and latah», «J.O. Abnormal and Social Psychology». 1928, 9, p. 264-276.
12. The ICD-10 Classification of Mental and Behavioral Disorders. Diagnostic criteria for research. Geneva, 1992. C. 214. 267 c.
13. Scheithauer H., Bondü R. School Shooting. Bedeutung, Hintergründe und Prävention. Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 121 p.